

ТАТЬЯНА  
АБАЛОВА

18+

СЕМЬ ПРИЧИН  
ВЛЮБИТЬСЯ В МУЖА

# Татьяна Абалова

## Семь причин влюбиться в мужа

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67878383](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878383)*

*SelfPub; 2022*

### Аннотация

Прекрасной Виоле посчастливилось стать невестой любимого человека – наследного принца соседнего государства, бравого адмирала фарикийского флота. Но накануне свадьбы ее мечты рушатся: Виолу насильно выдают замуж за другого – короля Ларда, который никогда не снимает маску. Принцесса вынуждена подчиниться решению родителей, но она отчаянно верит, что Теодор не оставит ее в беде. Он не из тех, у кого можно отнять любимую. Но и Лард не так прост: король Тарквидо никогда не отдаст то, что принадлежит ему.

# Содержание

Пролог	4
Глава 1. Исполнившееся предсказание	8
Глава 2. Мой любимый Теодор	19
Глава 3. Внезапная болезнь	31
Глава 4. Лагуна	41
Глава 5. Неожиданное открытие	52
Глава 6. Шаманка и ее ветра	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

# Татьяна Абалова

## Семь причин влюбиться в мужа

### Пролог

Бум... Бум... Бум...

Четверо черных, как смоль, намазийцев били в гигантские барабаны, взмахивая поочередно каждой рукой. Полуголые музыканты выглядели огромными по сравнению с собравшимися на пристани горожанами. Кожа барабанщиков блестела от пота, мускулистые тела двигались в такт рокочущему бою, создавая завораживающее действие.

Бум...

Каждое «бум» – это удар моего сердца. Три удара – один шаг по дороге, усеянной лепестками кроваво–красных роз, которые, увядая под яркими лучами солнца, одуряюще пахли. На мне тяжелое свадебное платье такого же цвета. Красное на красном.

В ритуале восхождения на корабль невесты короля Тарквидо нет ничего сложного. Шаг. Вдох–выдох. Еще шаг. Вдох–выдох. Пристань длинная, есть время подумать. Главное – не забыть дышать.

Я страдала от тесного корсета и длинного шлейфа, что беспощадно сминал лепестки, уцелевшие под ногами, но все же находила болезненное удовольствие от медленного шествия. Как тот смертник, что не надышится перед казнью, я дорожила каждой минутой, проведенной на родной земле. Стоит мне взойти на корабль, и власть незнакомца надо мной окажется абсолютной.

Как, спрашивала я себя, как я угодила в столь странную ситуацию? Я, дочь венценосных родителей, «ясноокая принцесса Виола», чья красота воспевалась менестрелями, отдана в руки мужчины, о существовании которого я знала лишь из учебников! Трудно поверить, но я до сих пор не видела лицо моего жениха, хотя мы идем рука об руку. У него крепкая ладонь, длинные пальцы, красивой формы полированные ногти. Если немного скосить глаза наверх, то можно увидеть чисто выбритый подбородок, мужественный овал лица и чувственные губы. Темные волосы со светлыми прядями пострижены довольно коротко, не в пример модникам нашего королевства.

Я вздрогнула и отвела взгляд, когда жених заметил, что я его рассматриваю. Блеск светлых глаз – как доказательство, что его позабавило мое смущение.

Высокий. Ладная фигура, широкие плечи обтянуты шерстяной тканью, опять–таки красного цвета, но на тон темнее, чем моя. Как кровь, что уже успела загустеть. На лице черная маска.

На лице чертова маска!

Какой формы нос? Разрез глаз? Красив или уродлив мой будущий муж?

Я усмехнулась от нелепости вопросов, задаваемых самой себе. О чем думаю? Какая разница, как выглядит король, если отныне я принадлежу ему? Как вещь. Как товар. Каким бы ни был Лард Тарквидо, я должна подчиниться. Ни любви, ни привязанности, только долг.

Мою кривую улыбку заметили. Во взгляде жениха светится вопрос. Я покачала головой. Нет, ничего. Все пустое!

Я оглянулась. За нами шли еще двое. Ни одного знака отличия от человека, ведущего меня по пристани. Одинаковые, как горошины в стручке. Мундиры, золото позументов, маски. Чужие.

Удары барабанов отмеряли мое время. Через несколько десятков шагов все останется позади. Надежды, чаяния, любовь.

Еще вчера я была уверена, что знаю свое будущее. Заботливые родители – правящая чета Итары, не раз убеждали меня в этом. Я готовилась к браку с шестнадцати лет и знала, кому предназначалась. Захлебывалась от счастья. Любила и была любима самым прекрасным мужчиной на свете – принцем Теодором Фарикийским. Наивная! Все мои мечты и стремления поросли быльем в одно мгновение.

\*\*\*

Даже сейчас, оглядываясь на прошлое, начавшееся с ше-

ствия невесты в красном, чей наряд сшит в соответствии с традициями чужого королевства, я продолжаю волноваться. В водоворот страстей втянуло не только близких мне людей, но и совсем незнакомых, и лишь благодаря их осведомленности и открытости, что помогло собрать мозаику событий тех дней, я могу рассказать историю целиком. Без белых пятен и приукрашиваний.

Итак, я будущая жена короля Ларда Тарквидо, который никогда не снимает маску.

# Глава 1. Исполнившееся предсказание

Этот день начался как обычно: ранний подъем, потом завтрак в кругу семьи, где традиционно обсуждались события вчерашнего дня, часть из которых, касающихся политики, я слушала вполуха, и, наконец, время для «развития личности» – так отец называл мои занятия с преподавателями различных наук и искусств. Я собиралась на последний урок, когда возбужденная фрейлина – самая близкая подруга моей матери влетела в гардеробную.

– Виола, тебя ждут в зале приемов!

Чуть ли не за полгода до свадьбы с любимым Теодором дворец все чаще и чаще принялись посещать представители дружественных держав, стремившихся выразить свое почтение будущей правительнице Фарикии, поэтому сообщение леди Терезии меня не удивило. Я была счастлива и беспечна и не обратила внимание, что по ее лицу, обычно тщательно ухоженному, идут красные пятна.

– Кто на этот раз пожаловал? – спросила я, натягивая перчатки. Леди Тильда Бро, бывшая прима королевского театра, удостоившаяся титула за заслуги, на уроках танцев требовала неукоснительного соблюдения правила: одеваться так, будто я отправляюсь на бал. «Запомни, – говорила она, – то,

что легко удастся выполнить в короткой юбочке, будет выглядеть совсем иначе, когда на тебя наденут платье в пол».

И снова я пропустила тревожный сигнал: первая фрейлина ушла от ответа, отвлекая меня на мое же отражение в зеркале.

– Боже! Зачем ты так затянула волосы? – она принялась сноровисто выдергивать шпильки. – В огромном платье и с маленькой головой ты похожа на шахматную пешку.

– Уроки танцев требуют, – я кривилась от боли, а цепкие пальцы Терезии то взбивали, то вытягивали мои пряди, пытаясь вернуть им пышную форму. – Тильда говорит, что без строгой прически я словно нечесаный лев.

– От зависти все. У нее на голове шпилек больше, чем волос, – я улыбнулась отражению фрейлины. Любят у нас во дворце позлословить. – А потом, у львов не бывает золотых локонов.

Не удовлетворившись полученным результатом, Терезия, махнув рукой на ждущих гостей, усадила меня на пуф. Никогда прежде щетка так не драла мои волосы! Но стоило запротестовать или попытаться отбиться, как первая дама приступала к пыткам с удвоенной силой. Пуховка летала по лицу и плечам с настойчивостью метелки в день генеральной уборки, щеки пылали от щипков, серьги трижды вытаскивались и заменялись на другие, «более подходящие к случаю».

– Случай–то какой? Что–то особенное? – допытывалась я, но Терезия делала вид, что слишком занята, чтобы отвечать

на глупые вопросы.

– Красавица! – выдохнула она, оставшись, наконец, довольной своей работой. – Так, теперь покрутись. Я посмотрю, все ли в порядке с платьем.

– Дайте угадаю: меня ждет мой жених?

Фрейлина закашлялась, а я расплылась в улыбке.

Этим утром предполагалась репетиция танца невесты, поэтому по настоянию леди Тильды меня облачили в наряд – близнец свадебного. Нынешнее платье отличалось лишь цветом: голубое с серебром. Моей задачей было научиться изящно подхватывать шлейф, не путаться во множестве юбок и привыкать дышать в тесном корсете. Теодор сам выбрал фасон, а я не сопротивлялась, хотя предпочла бы заменить тяжелое кружево, где белая нить переплеталась с золотой, на шелк. В то безмятежное время все, что нравилось моему жениху, нравилось и мне.

Длинный переход от покоев до приемной залы мы преодолели в молчании.

– А... – начинала я, но нервный жест Терезии заставлял прикусить язычок. Предвкушение чего-то неожиданного, окутанного ореолом таинственности, заставляло прибавить шаг, и последние метры я буквально летела. Я была уверена, что увижу Теодора, по которому ужасно соскучилась, иначе к чему все эти недомолвки и прихорашивания?

Я так и ворвалась в залу, придерживая подол платья, чтобы не наступить на него и не оконфузиться перед женихом и

его друзьями, растянувшись в полный рост

Эх... Фрейлина знала, что делает. Если бы не слой розовой пудры и румянец от щипков, все присутствующие в зале заметили бы, как резко я побледнела, услышав слова отца.

– Виола, разреши представить тебе твоего будущего мужа. Король Лард Тарквидо просил твоей руки, и я дал согласие.

Меня качнуло. А как же Теодор? Всего через две недели должна была состояться наша свадьба!

Но я – принцесса, и на мое обучение потрачены годы. Принцессы не кричат, не топают ногами и не рвут на себе волосы. Особенно при посторонних. Мы, отпрыски королей, понимаем, что все делается во благо государства. Поэтому единственное, что я себе позволила – с мольбой посмотрела на отца. Но в ответном взгляде короля Итары блеснул холодный металл, а губы сжались в тонкую линию.

Мама, моя любимая мама, едва сдерживала слезы, но крепилась. Королевы не плачут – всем известная истина.

Краем глаза я уловила движение справа от себя. Трое высоких, одетых в черное мужчин поклонились одновременно. Когда они выпрямились, я невольно отвлеклась от поглощающего меня горя. Их лица были закрыты масками. Масками!

Сразу вспомнилась недавняя вылазка в город. Кузина – графиня Трир, моя сверстница и подруга по развлечениям, тайно отвела меня к известной гадалке–прорицательнице Самире, прибывшей в столицу всего на несколько дней.

Отец никогда не приветствовал наших самостоятельных

походов в те места, где лежи бывать не положено.

– Виола, не рискуй. Я запрещаю тебе выходить за пределы дворца.

Если бы я спорила с отцом, то в лучшем случае рисковала появиться в городе в окружении отряда гвардейцев, и мне пришлось бы передвигаться по заранее прописанному маршруту, отклонение от которого грозило наказанием, в худшем – оказаться запертой в своих же покоях.

Мы с Трир притворялись послушными девочками, а сами пользовались давно поверенным способом побега: перед каждым выходом «в свет» наряжались служанками, надевая серые одежды и нелепые чепцы, что закрывали не только волосы, но и плечи. Кто из королевской охраны обратит внимание на девчонку, посланную принцессой отнести записку одной из ее многочисленных подруг? Тем более, если служанка предъявит кольцо доверенного лица – своеобразный пропуск на вход и выход?

Выбравшись из дворца, мы устремлялись к другому тайнику, где нас ждали бархатные плащи, с помощью которых хоть как-то удавалось скрыть форму дворцовых слуг.

– Опять приключений ищите? – спрашивал часовых дел мастер, откладывая в сторону лупу, когда мы, разгоряченные и смеющиеся, врывались в его лавку.

Быстро переодевшись и побросав за ширмой безобразные чепцы, мы оставляли часовщику золотой – благодарность за сохранение нашей тайны и устремлялись к черному выходу.

Короткий забег между тесно стоящими домами, и мы оказывались на центральной улице. Дальнейшие действия зависели от цели нашей вылазки: если ограничивались ярмарочной площадью, то передвигались пешком, если путь лежал к окраинам города, то здесь нас поджидала карета без всяких опознавательных знаков.

– А если мое отсутствие заметят? – пыталась я подружку, когда та впервые подбила меня на побег. – Отец запрет в карательной башне на год.

Ею пугали меня с детства. Пустая, гулкая, тревожно разносящая эхо, доступная только голубям и ветру, башня давно пустовала. Поговаривали, что ее облюбовал призрак стражника–самоубийцы, не вынесшего измены невесты. Считалось плохим знаком забрести туда человеку, собирающемуся связать себя узами брака. Я не хотела рисковать, Теодор только–только начал оказывать знаки внимания, и я уже тогда обмирала от любви к адмиралу фарикийского флота. Или к его белому мундиру?

– Оставим вместо тебя служанку, – Трир вертелась перед зеркалом, примеряя ужасный чепец. – Пинчи смышленная девица и найдет способ не подвести тебя.

Лишь однажды служанка, переодетая в мое платье, запаниковала, когда в покои неожиданно заглянула королева. Пинчи от испуга нырнула под кровать, и быть бы беде, ведь принцессе ни к чему ползать по полу, но я весьма вовремя вернулась и, на цыпочках пробежав в ванную комнату,

закрылась там. Покричав маме, что скоро выйду, поспешно сняла с себя одежду служанки и обмоталась полотенцем.

Чтобы не попасться вновь, пришлось выдумать «каприз венценосной особы». Особый каприз. Теперь Пинчи в мое отсутствие блаженствовала в ванне с плавающими в воде лепестками роз – единственном во дворце месте, где мне позволяли уединиться. Во время купания наследницы в ту часть покоев не входила даже королева.

– Вот увидишь, поездка станет незабываемым приключением! – щебетала Трир в карете, везущей нас по ночной столице. – Самира, только взглянув на тебя, предскажет будущее. Она не пользуется ни магическими шарами, ни кристаллами! Она истинный самородок среди прорицателей!

Вскоре кучер остановился перед плохо освещенным домом и помог нам выйти из кареты. Мы не боялись ему довериться, слуга выделялся крепким телосложением, отличным владением оружия и бесконечной преданностью кухне. Он не раз покрывал наши тайные поездки. Незримой тенью мужчина стоял за нашими спинами, отчего мы всегда чувствовали себя защищенными.

Перешагнув порог каменного дома, мы обнаружили, что нас ждали. Невысокая девушка, закутанная в темные одежды, знаком показала следовать за ней. Мы шли по темным переходам, ориентируясь на свечу в ее руках. Огонь, подвластный сквозняку, трепетал и грозился погаснуть, что еще больше нагоняло страха. Не знаю, специально то было сде-

лано, или нет, но в комнату прорицательницы мы попали, растеряв всякую браваду.

Я не сразу заметила грузную фигуру хозяйки помещения, стены которого завесили синей тканью, имитирующей небо-свод. Шестиконечные звезды, должны мерцать и погружать в таинственность атмосферы, были наляпаны на полотно как попало, некоторые из них потеряли свои лучи, и вся обстановка скорее напоминала сцену бродячих актеров, чем логово знаменитой прорицательницы. Густой запах благовоний, множество свечей, беспорядочно расставленных по комнате, хрустальный шар и карты, которыми по заверению кухни гадалка пользоваться не должна, череп какого-то хищника и клетка с живым вороном, отвлекали взор от той кучи тряпья, что громоздилась на полу за коротконогим столом. Только когда она зашевелилась, я поняла, что за странным облачением из рваных лоскутов прячется сама Самира. Белое, густо напудренное лицо, черные волосы, черные глаза. Пухлая рука, оголившись до локтя, дернулась в воздухе в повелительном жесте, приглашая нас приблизиться.

– Что привело вас сюда? – голос, неожиданно низкий, хриплый, скребущий горло и вызывающий желание откашляться, заставил вздрогнуть.

Я посмотрела на подругу. Трир, бойко сделав шаг вперед, скорее пропищала, чем произнесла:

– Мы хотим познать истину! – и схватилась за шею, не ожидая от самой себя таких неблагозвучных нот.

– И какая истина вас тревожит?

– Кто будет моим мужем? – ляпнула я от волнения, хотя собиралась задать совсем иной вопрос. Меня больше интересовало, счастлива ли я буду с Теодором, безусловно ожидая положительный ответ. Но что произнесла, то произнесла: хотя бы буду знать, так ли проницательна Самира, как ее расхваливают.

Гадалка задумчиво уставилась в потолок. Мы обе как по команде проследили за ее взглядом, но ничего, кроме скрещенных бревен, не заметили. Трир взяла меня за руку холодными влажными пальцами. И я была кухне благодарна, поскольку прорицательница закатила глаза, и наблюдать за ней, некрасивой, рыхлой, с отвисшими щеками и шеей, прячущейся в складках, было жутковато.

– Я вижу маску, – произнесла Самира после долгого раздумья, так и не вернув глазам привычное состояние. – Но не могу рассмотреть, кто за ней скрывается. Чувствую любовь. Большую любовь. Человек в маске не оставит тебя, будет всюду следовать за тобой.

Я рассмеялась. Как же просто вывести лгунью на чистую воду! Свечи, хрустальный шар и череп, призванные создавать таинственный антураж, моментально превратились в цирковые атрибуты. Исчезли волнение и страх.

– Пойдем отсюда, Трир, – я резко развернулась на каблучках и дернула за руку подругу, опешившую от откровенной лжи. Разочарование красками было написано на лице кузи-

ны: пылающие щеки, искусанные губы, готовые от досады хлынуть слезы.

– Ну как же так? – проямлила Трир. – Мне вас рекомендовали... А вы...

– Пр–равда! Пр–равда! – ворон в клетке дернул крыльями, и оторвавшееся перо медленно спланировало вниз, где задело свечной огонь и моментально вспыхнуло, перебив аромат благовония неприятным запахом паленого.

– Я точно знаю, кто будет моим мужем, – с достоинством произнесла я, изволив обернуться на гадалку. – А у вас даже птица врет.

Заметив потемневшие глаза Самиры, я усмехнулась и кинула на пол мешочек – щедрое вознаграждение за разочарование.

Уже на пороге я услышала тихое:

– Виола, выбирай сердцем. Иначе все кончится смертью.

Я замерла. Смерть – не то слово, какое хочет услышать счастливая невеста.

– Мой выбор давно сделан, и ждет меня вовсе не смерть, а счастье на долгие–долгие годы.

– Тебе будет достаточно семи причин, чтобы влюбиться в маску.

– У меня тысячи причин, чтобы любить того, кто не прячется за маской. Хватит лгать, женщина!

Пока мы возвращались во дворец, я мысленно ругала себя. Зачем пошла к прорицательнице? Разве сама не знаю от-

веты на вопросы? Мучило лишь одно: как Самира догадалась, что за плащом с надвинутым на лицо капюшоном, прячется принцесса Виола? Трир клялась, что ни словом не обмолвилась, с кем пойдет к прорицательнице, да и своего имени не называла. Я же ни минуты не сомневалась, что Самира ошиблась. Какая маска, если два государства готовятся к грандиозной свадьбе их наследников?

Кузина, видя мое состояние, сидела тихо. Она чувствовала себя виноватой. Приключение закончилось не так весело, как мы предполагали.

Неприятный осадок тревожил несколько дней, пока не приехал мой любимый Теодор. От его нежных поцелуев все страхи и сомнения развеялись. Я даже не подумала рассказать историю с неудачным гаданием. Зачем лишний раз выставлять себя и Трир глупышками?

## Глава 2. Мой любимый Теодор

С Тео мы познакомились на балу.

В Итаре шестнадцатилетние девушки впервые выходят в свет на Карнавале Цветов. Торжественное событие, к которому готовятся чуть ли не за год. Разучиваются танцы, шьются платья, к цвету глаз и оттенку кожи подбираются ткани и драгоценности. Все должно быть нежного цвета, чтобы показать невинность тел и помыслов.

Наряды дополнялись небольшими букетиками, которые крепились к атласной ленточке на шее или на запястье. Один из выбранных цветков давал дебютантке на время бала имя. Никакой Виолы или Трир. Я – горделивая Лилия, а моя кузина – розовый Пион.

Я отличалась от остальных красавиц, прибывших на бал, только блеском короны. Для принцессы она обязательна. Венец, сплетенный из нитей платины и золота, являл собой образец «садового искусства» – в центре каждого цветка сиял драгоценный камень, а на лепестках висели бриллиантовые росинки. Никаких рубинов. На Карнавале Цветов красный считался вызывающим цветом.

Как же я ждала этот вечер! Не отпускало чувство, что со мной непременно произойдет что-то необыкновенное, чудесное. Просто не могло не произойти! От волнения накануне бала я уснула за полночь, а утром Пинчи отчаялась меня

добудиться. Лишь волшебное слово «бал» заставило разомкнуть глаза.

– Все придут люди как люди, лишь наша принцесса явится с опухшим лицом. Хороша же будет Лилия! Лучше бы сразу назвались болотной кувшинкой, – ворчала служанка, прикладывая к моим глазам тряпицы, смоченные в отваре из хиндийской травы.

– Куда? – вопрошала она вечером, где-то за час до торжества, когда поймала меня за подол на пороге – так мне не терпелось окунуться в праздник. Она задрала пачку нижних юбок, чтобы показать, в каком виде я бегу на бал – в домашних туфлях с меховыми помпонами. – Вы бы еще босиком отправились!

И вот, наконец, я была готова. Шла до зала, замирая от счастья и больших надежд. Сердце билось в такт музыке.

В ярко освещенном, украшенном цветами зале кружились пары, давно миновавшие шестнадцатилетний рубеж. Время дебютанток еще не пришло. Оркестр находился на втором этаже – своеобразном внутреннем балконе, к которому вели лестницы сразу с двух сторон. Маэстро Бурвиль находился в ударе, и его палочка мелькала так быстро, что, казалось, он разгоняет невидимых пчел. Музыканты раздували щеки, заставляя духовые инструменты порождать нужные ноты, самозабвенно пикикали скрипки, стонала виолончель, и все вместе они создавали на удивление нежную мелодию. Все желающие посмотреть на дебютанток с высоты балкона рис-

ковали оглохнуть.

Бал по традиции открывала королевская чета. Тут и там мелькали пышные платья дебютанток, слышался смех. Я, стоя рядом с пустующим тронном отца, заметно волновалась. Вдруг меня никто не пригласит? Или оступлюсь в танце? Или отвечу невпопад? Волнение по пустякам юности присуще. Еще, как назло, опаздывала Трир, и я чувствовала себя под взглядами гостей как выставленная напоказ кукла. Кто-то специально стремился оказаться в центре внимания, я же, оставшись в одиночестве, страдала.

Бальный зал по задумке архитектора был выполнен в форме чаши. Приглашенные спускались «на дно» по широкой лестнице, и некоторые дамы пользовались оригинальным решением, чтобы продемонстрировать себя во всей красе. Они застывали на верхней ступени, позволяя мужчинам и соперницам оценить «чудесное явление», и лишь потом присоединялись к танцующим.

Когда на вершине парадной лестницы появился высокий мужчина в форме морского офицера, я невольно залюбовалась им. Белый китель, украшенный серебряным позументом, красиво оттенял загар. По мере того, как незнакомец пересекал зал, я отметила и выгоревшие под солнцем волосы, и голубые глаза, и ослепительную улыбку, которая, как оказалось, предназначалась мне.

Под взглядом офицера я стушеввалась. Как я могла пренебречь правилами приличия и так явно рассматривать незна-

комца? От волнения мои ладони сделались влажными, и я заторопилась вытащить из-за пояса батистовый платочек. Мне самой было бы неприятно прикасаться к «лягушачьей коже», но я, растяпа, тут же уронила спасительный кусочек ткани.

Сгорая от неловкости, я опустила глаза. Офицер же, продолжая улыбаться, поднял мой платочек, но не вернул, а засунул в потайной карман кителя, вернув мне другой – с вишневой вышивкой «Т.Ф.».

– Не возражаете? – произнес он.

Я узнала монограмму по урокам геральдики: Теодор Фарикийский! Принц соседнего могущественного государства, бравый адмирал, командующий военно-морским флотом Фарикии. Осознание того, КТО приглашает меня на танец, смело мятущиеся мысли напрочь. Я приняла его платок и вложила ладонь в протянутую руку, уже не думая о том, влажная она или нет.

Я не помню наш первый танец. Весь мир кружился вокруг одного человека – Теодора. Я ловила каждое его движение: как смотрел, как улыбался, как дотрагивался до пальцев. Я была словно во сне! Что говорил? Не понимала, не слышала!

Отгремела музыка, и меня повели к столу с лимонадом. Выпила залпом, как простая служанка, а осознав свой поступок, едва не расплакалась. Вот почему так всегда, когда хочешь произвести приятное впечатление?

– Оставайтесь собой, – прошептал мне на ухо Теодор, принимая пустой фужер. А глупая Трир утверждала, что солда-

фоны не умеют тонко чувствовать. Или ее слова не относились к морякам? «Водная стихия – как капризная женщина, никогда не знаешь вознесет она тебя или погубит» – эта фраза принадлежала моему отцу. Судостроительные верфи – одна из статей дохода королевской семьи, а потому папа как никто другой знал цену каждому спущенному на воду кораблю. У него всегда болела душа, стоило одному из детищ бесследно исчезнуть на просторах морей. И конечно я с благоговением смотрела на Тео, который чуть ли не каждый день покорял море и командовал не одним кораблем, а целой флотилией.

Чего я добилась в свои шестнадцать лет? Сносно говорила на пяти языках, знала историю и геральдику соседних государств, освоила азы точных наук, прекрасно играла на клавишине, танцевала и вышивала гладью. Впору чувствовать себя полной неумехой рядом с блистательным офицером.

– Разрешите пригласить вас на следующий танец, – голову склонил один из моих старых друзей. Мы часто встречались во дворце во время визита его отца – посла Норвегии. С Генрихом я провела две чудесные недели, когда мои родители почтили визитом северное государство. Олени, катание на санях, мороженая рыба, которую стругали на тонкие прозрачные полоски и ели сырой – с ним я испытала все те прелести, которых Итара, расположенная у теплого моря, была лишена.

Я пыталась придумать вежливый отказ, растерявшись от

того, что Теодор отошел за новой порцией лимонада. Было бы неловко заставить его ждать с двумя бокалами в руках, пока я танцую с другим, поэтому погрузилась в состояние рыбы, выброшенной на берег: открывала и закрывала рот.

Заметив замешательство юной девицы, Теодор – мой верный рыцарь, пришел на помощь. Сделав вид, что через плечо заглядывает в книжечку для записи танцев, которую я мяла в руках, он с милой улыбкой заявил, что крайне сожалеет, но принцесса ангажирована на весь вечер. И, вручив бокалы незадачливому кавалеру, повел меня в круг танцующих.

– Выйдем в сад? Я знаю, он у вас чудесный, – бисеринки пота блестели на лбу Тео. Я, конечно, понимала, моряки и не такое выдерживают – шторм, штиль и все такое, но даже самая сильная качка проходит в открытом море, а не в зале с тысячей свечей. Разгоряченные танцами и весельем, нам просто требовался свежий воздух.

В саду тоже играла музыка. Другая, не для подскоков и поворотов. Волнительная, зовущая. Квартет из скрипачей и виолончелиста разместился перед входом в зеленый лабиринт – своеобразный звуковой маяк для тех, кто стремится выбраться на волю. Я осмелела, и сама взяла Теодора за руку.

– Не боишься заблудиться? – спросила я, глядя в его смеющиеся глаза.

– Я хочу заблудиться.

Ответ заставил мое сердце биться чаще.

О, сколько же наш лабиринт хранит укромных мест! До

прекрасной ночи блуждания среди выющихся цветов и жимолости, стеной отгораживающих нас от внешнего мира, я никогда не замечала, насколько удачно расположена та или иная скамейка, насколько широки ободки фонтанов, на которых, оказывается, можно сидеть вдвоем и мечтательно закрывать глаза под звуки струящейся воды. Все в лабиринте располагало к уединению и доверительным беседам. Зачем искать выход? К концу ночи я была уверена, что готова провести с Теодором всю оставшуюся жизнь. Особенно после его признания, что он прибыл на бал из-за меня.

– Я даже не переоделся в светскую одежду, так торопился увидеть тебя, – его слова стекали по сердцу каплями меда.

Он отправился во дворец сразу же, как только фрегат «Жемчужина» встал на якорь, а все потому, что храбрый адмирал боялся пропустить первый танец юной дебютантки. С корабля на бал.

Я млела от удовольствия. Как оказалось, между нашими родителями давно существовала договоренность об объединении королевских родов с соответствующими политическими выгодами. Мой портрет висел у фарикийского принца в спальне, и это известие заставило щеки загореться.

– Я полюбил тебя, Виола, – Теодор положил ладонь на мое колено, и я перестала дышать. Мы прятались в тени беседки, которую густо оплетали розы, и их аромат кружил и без того одурманенную счастьем голову. – Страстно и самозабвенно.

– Так сразу? – мой голос звенел.

– Я полюбил тебя с первого взгляда. А ты? Что ты чувствуешь ко мне? Я смею надеяться на ответное чувство? – все как в книгах, которые я, таясь от мамы, читала тихими ночам.

И я вдруг осознала, что и сама полюбила с первого взгляда! Еще тогда, когда Тео только появился на первой ступеньке, ведущей в бальный зал. Красивый, блистательный, мужественный.

Теодор понял без слов. Поцелуй был нежным, легким, опьяняющим.

Все два года до оговоренного дня свадьбы, фарикийский адмирал баловал меня вниманием и подарками. На мне и сейчас надета подаренная им цепочка с «Бриллиантовой слезой» – амулетом, оберегающим от отравителей.

– Артефакт почует яд на расстоянии двух шагов, – пояснял Тео, застегивая на цепочке замочек. – Ты не пропустишь сигнал об опасности, слеза обожжет тебя.

Тронутая воспоминаниями, я всхлипнула. «Слеза», носовой платок и оркис – вот и все, что мне осталось от любимого.

А с какой гордостью и любовью он рассказывал о Королевском острове – родном для него месте. Предки нынешних фарикийских монархов построили на нем грандиозный замок, ставшей обителью для высшей знати. И Теодору было чем гордиться, ведь остров сам по себе являл чудо.

Ни в одной стране мира, кроме как на скалах острова, не

водятся такие удивительные крылатые животные как оркисы: кошки с орлиными крыльями. Подарок Тео сейчас, должно быть, уже на корабле. Плюх пока еще котенок, и крылья его малы, как у неоперившегося птенца, но в один прекрасный момент несмышлениш взлетит и, боюсь даже представить, куда его занесет. Лучше бы в этот момент мне оказаться рядом. Только для того, чтобы юный оркис не потерялся, его приходится держать в клетке. Но когда он вырастет и примет меня как друга, преданнее существа не сыскать.

У оркисов есть замечательная способность разговаривать с хозяином мыслями, что сделало их весьма популярными среди знати – их баснословная цена не позволила бы завести зверушку простолюдину. Кроме того, существовала опасность потери оркиса навсегда: если кошка не привязывалась к хозяину, то, повзрослев, она выбирала свободу и возвращалась в свою стаю.

Еще одна особенность делала оркисов ценными – они размножались только на Королевском острове. Пещеры в неприступных скалах тому виной, или редкая рыба, водящаяся в прибрежных водах, но оркисы наотрез отказывались спариваться где-либо еще. Говорят, полет стаи крылатых котиков к морю «на рыбалку» – незабываемое зрелище, собирающее зевак со всех уголков мира.

Мне самой так и не удалось побывать на острове. Я не торопилась, поскольку хотела попасть на него невестой Теодора: тогда я смогла бы поучаствовать в старинном, немного

страшном, но весьма любопытном обряде.

Дело в том, что Королевский остров со всех сторон окружен скалами, чьи пики опасно торчат из моря, будто природа сама позаботилась сделать прибрежные воды непроходимыми, и в старинные времена добраться до него решались лишь смельчаки. Они и принесли весть, что среди скал существует разлом, куда обрушиваются семь водопадов, а в пещерах живут странные крылатые животные, за схожесть с кошками и орлами получившие название оркисы.

Правящую чету Фарикии заинтересовал таинственный остров, и вскоре архитекторы ломали головы над тем, как связать его с материком, чтобы построить на месте разлома крепость и взять под контроль оркисов, за которыми уже охотились контрабандисты. Достояние нации следовало сбереечь. Не нашли ничего лучшего, как использовать магию, и через несколько лет к предполагаемому месту строительства замка вел необыкновенный мост. Под ударами стихии, а море здесь волновалось частенько, он вел себя как живое существо – мог застыть в оцепенении или начать дрожать. Иногда мост пел, и песнь его тоже зависела от настроения: то он голосил, как отряд трубачей, то тихо стонал – выводил грустную мелодию.

Королю, побывавшему на месте строительства, захотелось жить в этом прекрасном, но суровом краю, поэтому крепость, а потом и остров получили название Королевский.

Традиция проводить невест через мост родилась нежи-

данно: жених решил порадовать свою суженую и показать ей чудеса Королевского острова. Но невеста наотрез отказалась идти по мосту, вокруг которого бушевали волны. Тогда юноша, а он был конюхом, поступил так, как поступал со своими гривастыми подопечными. Когда те начинали бояться идти по опасному месту, он завязывал им глаза.

– Доверься и закрой глаза, – произнес конюх, беря любимую за руку. Мост точно почувствовал, что от него зависит судьба этой пары, и прекратил реветь в унисон морю – затянул нежную песню. Невеста отвлеклась на нее и забыла о шуме волн. Добравшись до противоположной стороны в целости и сохранности, назад она уже возвращалась с открытыми глазами, и ей ни чуточки не было страшно.

Рассказ о находчивом женихе и его боязливой невесте передавался из уст в уста, и вскоре, благодаря новым парам, захотевшим искусить судьбу, родилась традиция, обретшая форму испытания – женихи завязывали глаза невестам и протягивали руку. И только от девушки зависело, доверится она тому, с кем решила связать жизнь, или откажется. А мост называли мостом Любви.

Я слушала легенду, сделавшуюся явью, и представляла, как невесте должно быть страшно: бушующее с двух сторон море, крики чаек, стон моста, напоминающий странную песнь, и лишь тепло надежной руки, ведущей вперед.

«Доверься и закрой свои глаза, тебя я крепко за руку держу. По тонкой грани меж Добра и Зла в любовь тебя легко

я провожу».

Выдержавшие испытание влюбленные бросали в море монетку, чтобы их чувства оставались вечными.

Я вздохнула. Жаль, мне не услышать песнь моста и рокот волн, не побывать во дворце Семи водопадов, построенном на месте горного разлома, где каждому источнику дали свое название. Счастье, Надежда, Удача... Семь источников и семь башен вокруг дворца, с высот которых низвергается вниз поток.

– Перед важным начинанием жители Фарикии приходят к нужному водопаду и загадывают желания. Говорят, они исполняются, – Теодор улыбался мне, а я была уверена, что придет и мое время обойти все семь башен, с которых падает вниз холодная и вкусная вода. Я хотела жить в этой сказочно–красивой стране и пройти в день свадьбы по мосту Любви рука об руку с Теодором.

Но моим мечтам не суждено осуществиться. По законам Итары я жена короля Ларда Тарквидо. Дорога из роз не имеет пути назад.

Я подняла глаза на ждущую нас лодку, в которой застыли с веслами в руках матросы. Она переправит нас к фрегату, стоящему на рейде – трехмачтовому кораблю, так похожему на те, что сходят со штапеля итарского адмиралтейства.

Последние метры, последние шаги. Почему не последние удары сердца?

## Глава 3. Внезапная болезнь

Как только я и мой король ступили на борт, барабаны смолкли. Инициативу перехватил военный оркестр Итары. Он заиграл марш «Прощай, капитан!», а собравшиеся на пристани люди принялись бросать бумажные ленты. Бортовые орудия фрегата «Роза ветров» дали залп, и дым цветов флага королевства Тарквидо – желтый, голубой и красный, цветным парусом завис над водой. Правда, порывы ветра не позволили зрителям в должной мере насладиться красотой – разметали воздушное полотно в клочья.

На пристани грянуло громкое «Ура!», а я опустила ресницы, чтобы скрыть слезы.

Команда военного фрегата встретила нас на палубе. Незабываемое зрелище, когда сотни моряков в едином порыве салютуют ударами кулака по собственной груди – по тому самому месту, где бьется сердце – жест верности своему командиру. Суровый, понятный без слов. Муж ответил тем же.

– По местам стоять, с якоря сниматься! – гаркнул кто-то из офицеров, и строй моряков нарушился – каждый заторопился заняться своим делом.

Муж провел меня в адмиральскую каюту – самую лучшую на корабле и, бросив короткое «Отдыхай», удалился. Я огляделась. Неширокая красиво заправленная кровать, стол с несколькими стульями, кресло, сундуки с моими вещами.

На обшитых деревом стенах портреты великих мореплавателей и картины с морскими батальными сценами. У кровати на тумбе поднос с пузатой бутылкой и пара стаканов. Я выдернула неплотно притертую пробку и понюхала. Вода. Простая вода. Даже если бы было вино, все равно выпила бы. Хотелось забыться. Уснуть и не просыпаться.

Отставив стакан, вытерла рот рукой. На тончайшей перчатке, изготовленной мастерицами Флебуржа, остался след от помады, но я нисколько не огорчилась. Все, что я лелеяла, с любовью собирая к свадьбе с Тео, теперь казалось насмешкой. Судьба знатно меня обыграла.

Я беспомощно оглянулась на дверь. Раздеться бы, но на корабле нет места служанкам, поэтому придется как-нибудь справляться самой. Я стащила с головы венец, забыв, что он крепится к волосам специальными шпильками. Зашипев от боли, с досады швырнула его на стол. И только тут заметила клетку, накрытую тканью.

– Котик!

Я подлетела к «тюрьме» оркиса и, сдернув тряпку, потянулась к дверце. Там уже ждал Плюх. Когда мои пальцы дотронулись до замка, котик потерся о них мордочкой и жалобно мяукнул.

– Бедный мальчик, – зашептала я, беря питомца в руки, – потерпи, сейчас налью свежей воды.

Наблюдая, как оркис жадно лакает, думала о нашей с ним беззащитности. Я, как и слабый котенок, чужая на этом ко-

рабле, преданная родными, проданная отцом. На глазах снова навернулись слезы.

\*\*\*

Я плакала и вспоминала, как мама после свадебной церемонии просила прощения.

– Все сделано в интересах нашего государства. Другого выхода не было.

Как оказалось, Итара находилась на грани войны с некогда дружественной Фарикией – родиной моего Тео. Я не могла поверить. Теодор – враг?

– Помнишь тот странный остров в Дикой бухте? – мама взяла меня за руку. Я сидела на кровати, уверенная, что сейчас в спальню явится новоиспеченный муж, но вместо него пришла королева Итары.

– Тот, что всплывает, когда ему заблагорассудится?

– Он самый.

Когда-то часть пустынного берега и прилегающая к нему акватория принадлежали Фарикии, но по договоренности с королем Вильгельмом, не особо ценившим этот кусок своей родины, Дикая бухта перешла Итаре. Сделка скорее носила дружественный характер, чем политический, поскольку новая территория никого не интересовала. Унылый ландшафт, скромная фауна и возможность посадить на мель судно даже самого малого водоизмещения, не привлекали ни местных жителей, ни путешественников.

Единственной достопримечательностью неприветливого

места являлся островок, что без всякой системы вдруг всплывал из пучин моря. День—два и он вновь уходил под воду. Угадать его появление можно было лишь по грязевым потокам, что вдруг начинали булькать в расщелинах меж скал. Говорят, в это время лужи страшно смердели, поэтому даже самый отчаянный человек, жаждущий одиночества, не вздумал бы поселиться поблизости.

И вообще, кому нужен блуждающий остров, которому даже имя дать не удосужились? Поэтому его не внесли ни в реестр земель Итары, ни в морские лоции.

Мама расправила атласную ленту на моем халате, и я обратила внимание, как дрожат ее пальцы.

— Что—то случилось на острове? — голос не слушался.

— Там обнаружили месторождение магического камня

Пир.

От невероятности новости я перестала дышать. Пир?! Самый дорогой в мире камень можно добывать на землях, принадлежащих Итаре? Я даже на минуту забыла о своем горе, представив, что сулит Итаре знаменательное событие, но тут же осудила себя. Да, я сдалась как принцесса, для которой благополучие родины превыше всего, но как женщина, у которой отняли любовь, еще кипела.

— И как открытие Пира смогло разлучить меня с Теодором? — от едва сдерживаемого раздражения я не могла сладить со своим лицом. — Что, Фарикийский принц вдруг сделался мне не ровней? Поэтому король выбрал для своей до-

чери более богатого мужа? Но Итара с ноготок по сравнению с Фарикией! Она раздавит нас и не заметит!

– Теодор сам от тебя отказался, – мама прятала глаза. – Он пришел в бешенство, когда узнал, что остров не входит в твое приданое, и потребовал вернуть его Фарикии. Иначе быть войне.

Я не могла поверить в чудовищное обвинение. Неужели какой-то камень, пусть даже баснословно дорогой, сделал нас с Теодором чужими друг другу?

– Когда Теодор был в Итаре? – я знала, что мой жених в морском походе и должен был вернуться лишь накануне свадьбы...

– Дней десять назад.

Десять дней? Я оторвала ленту, что стягивала ворот халата. Мне не хватало воздуха. Треск ткани оказался сродни громкому хлопку, что режет ухо. «Тео был во дворце и не нашел меня, чтобы объясниться? А как же наша любовь?»

– И за десять дней вы успели подобрать мне другого жениха? – я сорвала с себя душный халат, и не в силах оставаться на месте, кинулась к окну. Распахнула его, впустив влажный воздух. Шум моря, обычно успокаивающий, сделался вдруг невыносимым. Это море виновато в том, что я потеряла Тео. Нет, чтобы держать свои секреты при себе, вытащило наружу остров с проклятым камнем.

– Мы все должны быть благодарны королю Ларду. Если бы не он, западные земли Итары уже лежали бы в руинах.

Появления «Розы ветров» в наших водах было достаточно, чтобы утихомирить Теодора. Тарквидо не то государство, с кем можно ссориться.

– А какой резон королю Ларду? – я обернулась на оставшуюся сидеть на кровати маму. – Ему нужен Пир? Хотя за чем я спрашиваю? Проклятый Пир нужен всем.

Королева покачала головой.

– Я не знаю. Встреча с королем Тарквидо проходила в строгой секретности. Папа сказал только, что Лард обещал ему военную помощь в обмен на твою руку.

– Десять дней! – я не могла сдержаться, рассмеялась. Но смех мой не был похож на веселье здорового человека. – Десять дней и я жена другого! Вам даже не показалось странным, как вовремя появился тарквидский корабль! Лард, что, знал об угрозе? И как только момент выдался, выскочил, как черт из табакерки?

– Ничего не изменить, дорогая. Ты напрасно травмишь себе душу.

– Боже! Все эти дни я разучивала свадебный танец! Танец, в котором давно сменился партнер, а я и не знала! Почему вы молчали? Почему? На что надеялись?

Ответа я не ждала. К чему ответы, когда я уже жена другого?

Я открыла глаза утром, почувствовав на лице солнечные блики. Скорее всего меня опоили, так как я не запомнила, ни

как закончилась беседа с мамой, ни как забралась в постель. Висящие косо занавеси и отсутствие статуэток на каминной полке наводили на мысль, что ночью кто-то устроил погром.

– Ну и пусть, – я повернулась на другой бок и погладила ладонью соседнюю подушку – та была без единой морщинки. Моя истерика сорвала Ларду из Тарквидо первую брачную ночь.

\*\*\*

Судно набирало скорость и прыгало на волнах, отчего к горлу подступала тошнота. Я уже выходила в море, но то были гребные лодки для прогулки – благоустроенные, с лежаками и множеством подушек, с музыкантами и угощением, да и само «путешествие» ограничивалось по времени часом – другим, а на военном корабле я оказалась впервые.

Думала, на свежем воздухе будет легче. Попыталась открыть дверь, ведущую на небольшой балкон на корме, но не справилась с замком, поэтому поплелась на палубу через адмиральский салон и кают-компанию, где прямо над бортовыми пушками раскачивались гамаки офицеров. Скрип снастей и отсутствие людей, в дневное время находящихся на местах службы, только усугубили мое состояние – к тошноте добавились волны паники.

Путаясь в тяжелом подоле (платье так и не сумела расстегнуть), вышла на палубу, но здесь качка оказалась еще сильней, и меня вырвало. Раздался окрик откуда-то сверху, ко мне подскочил матрос и настойчиво повел в каюту.

Держась за живот, я повалилась на кровать. Голова кружилась, душили спазмы, из глаз лились непрошеные слезы. С каждой минутой становилось все хуже. Рвота не прекращалась. Если бы не «Бриллиантовая слеза», оставшаяся холодной, я решила бы, что меня отравили. Вскоре присоединился озноб, но стоило укрыться, бросало в жар.

В помещении появился человек в маске. Я так ослабла и измучилась, что даже не решалась угадать, кто из троих, носящих маску, ко мне пожаловал. Мужчина вытащил из кармана какую-то бутылочку и, откупорив ее, склонился надо мной.

– Пей! Пей залпом!

Я попыталась увернуться, уж больно резким оказался запах, но мне, как какой-то капризной девчонке, приставили горлышко к губам и зажали нос. Волей-неволей пришлось сделать глоток. Горечь обожгла рот, но я не успела возмутиться – обшитый деревом потолок вдруг понесся по кругу со скоростью крыльев ветряной мельницы. Мгновение спустя я провалилась во тьму.

Пришла в себя от страшного желания пить. Наверное, я попросила вслух, потому что тут же дали что-то кислое, но приятное. Надо мной склонился мужчина в маске, и отложив чашу в сторону, мокрой тканью вытер мне лицо и шею.

Я поежилась от свежего ветра, ворвавшегося в приоткрытую балконную дверь, и потянула покрывало на себя, и только тогда почувствовала, что кроме него на мне ничего нет.

Платье чудесным образом исчезло, корсет не стягивал ребра. Дышалось легко и спокойно.

На всякий случай, проверила под покрывалом рукой, скользнув от груди вниз: так и есть, совершенно голая. Увидев мои большие глаза, мужчина улыбнулся.

– Не мог оставить тебя в тесной одежде.

– Кто меня раздел?

– Я. На военном корабле женщин нет, – ответил он и низко наклонился. Почти к самому плечу. Вдохнул неслышно, но у меня пошла мурашками кожа. Испугавшись, я попыталась отстраниться, но мужчина тут же поднял голову.

«Он что, меня понюхал?»

– Тебя нужно искупать, пять дней – большой срок, – мягко произнес человек в маске. – Много воды пойдет тебе на пользу. Я помогу.

Я натянула покрывало до самого носа.

– Не дамся.

– Но сама ты не сможешь, – мягко произнес он. А я не вовремя вспомнила рассказы учителя географии. Заядлый путешественник, он немало плавал, а потому охотно делился впечатлениями. В том числе и о способах купания в условиях морского похода.

– Если корабль находится в открытом море, а за бортом штить, в воду спускают парус, который немного притапливают. Таким образом получается бассейн, в котором не надо бояться акул. Или можно выбрать другой способ – быстрый:

окатить себя прямо на палубе ведром морской воды. Желательно раздеться, чтобы одежда, высохнув, не сделалась похожей на кожу соленой рыбы.

Я уже представила, как плаваю, силясь натянуть на себя намокшее покрывало, на глазах у сотен моряков. Не заставят же их нацепить повязки? Или еще хуже – стою вся дрожащая на палубе, а злая Маска окатывает меня холодной морской водой.

– Нет–нет–нет! Мне и так хорошо!

Но кто послушает больную и слабую женщину, не мывшуюся целых пять дней?

Мужчина в маске осторожно поднял меня на руки, и мне ничего не оставалось делать, как крепко обхватить его шею руками. Еще не хватало вывалиться из кокона покрывала на глазах у всей команды.

## Глава 4. Лагуна

Снаружи отгорало утро. Корабль слегка покачивало. Слышались крики чаек и рокот прибоя: волны шумят так только тогда, когда они налетают на берег. Фрегат стоял в лагуне. Меня передали на руки другому мужчине в маске. Сильный, он ловко спустился со мной по лестнице и усадил в лодку, где я увидела еще двоих, тоже в масках – эти держали крепкие ладони на веслах. Когда первая маска устроилась рядом, судно направилось к берегу.

– Почему вы постоянно прячете лица, и кто из вас мой муж? – видя рядом, перед собой и за собой «близнецов», я запуталась, как путается легковерный игрок, пытаюсь найти монету под тремя стаканами мошенника. Легкий бриз играл локонами моих нечесаных волос, и в окружении мужчин я чувствовала себя неловко.

– По законам Тарквидо королевская семья вне дворца не может появиться с открытыми лицами. Это делается из соображений безопасности. Рядом с правителем неотступно находятся телохранители, – сосед справа кивнул на гребцов. – Придет время, и супруга монарха тоже наденет маску.

А потом наклонился к самому уху и тихо произнес:

– Муж я.

– Точно? – я сощурила глаза. Слева от меня сидел точно такой же мужчина – белая рубаха, форменные офицерские

штаны. Даже цвет волос одинаковый – выгоревшие на солнце пряди.

Вместо ответа «муж» лишь улыбнулся. А у меня закралась нехорошая мысль: а вдруг в Тарквидо существуют и другие странные традиции, например, брать в семью одну жену на двух или трех братьев? Сегодня со мной одна Маска, завтра другая, а я даже не замечу, что делю ложе с разными мужчинами. И хотя из учебников я знала, что король не имеет близких кровных родственников, разыгравшаяся фантазия заставила задать принципиальный вопрос.

– Когда я увижу твое лицо?

– Только в королевском дворце, – получила я немедленный ответ. Лард, однако, понял мой вопрос иначе, поскольку добавил: – Не переживай, я не урод. Уверен, ты еще полюбишь меня.

«А вот это вряд ли. Как там напророчила колдунья? У меня должно оказаться, по крайней мере, семь причин, чтобы забыть Теодора».

Я решила, что пока мне не докажут, что Тео – враг, буду думать о нем только хорошее. Любовь словами, могущими оказаться напраслиной, не убить. Я жила ею два долгих года, а того, кто вдруг сделался мужем, знаю от силы два дня. Время, проведенное в беспомыслии, не считается.

Лард, не догадываясь о дерзких мыслях, безмятежно мне улыбнулся. Стоило отдать должное – его улыбка была приятной.

На мелководе Лард ловко выбрался из лодки и вытащил меня. Нашупав ногами дно, я, как была в покрывале, погрузилась в спокойное море по самый нос. В блаженстве закрыла глаза. Постояв так немного и поймав ритм неспешных волн, набрала в легкие воздуха и ушла под воду с головой. Сейчас сильнее всего меня смущали грязные волосы.

Когда всплыла, лодки рядом не было, ключины скрипели где-то за спиной. Я обернулась на нее и упустила коварный маневр Маски: Лард ухватился за край покрывала, сдернул его и, скрутив, закинул на берег.

От неожиданности я присела в воду, обхватив себя руками. Король, снимая через голову рубаху, громко рассмеялся.

Я бы топнула от злости, но опустив глаза, поняла причину смеха: вода оказалась абсолютно прозрачной. Вокруг сновали яркие рифовые рыбки, и шевелили кружевными щупальцами мелкие медузы. Когда я подняла голову, муж красовался голым торсом, но оставался в штанах, что несколько успокоило.

Из-за того, что я совсем не знала мужчину, которому меня отдали, настораживало любое его движение. Он всего лишь сделал шаг навстречу, а я уже подозревала, что король намеренно играет со мной, чтобы после того, как я успокоюсь, взять меня силой. Первая брачная ночь может произойти в любое время суток и даже не в постели.

– Я не готова, – пролепетала я.

– К чему?

Блики солнца, отразившегося в воде, играли в смеющихся глазах.

– К исполнению супружеского долга, – бриз не справлялся с огнем румянца.

– Понятно, – Лард потянул меня за руку, привлекая к себе. Я сгорала от стыда, вдавленная своей наготой в его широкую грудь. Он же, наклонившись, нашел мои губы и поцеловал. Жадно. Требовательно. Сбив дыхание.

Неволью я сравнила мужа с Тео и, испугавшись сравнения, разорвала поцелуй. Закрыла рот рукой. Должно быть, смятение отразилось на моем лице.

– Что? – Лард был спокоен.

«Как такое может быть? Почему мне понравилось?» – мысли, что со мной что-то не в порядке, заставили запаниковать. Я не знала, на что кивать: то ли на перенесенную недавно болезнь, которая высокой температурой выжгла заложенные годами воспитания манеры леди, оставив лишь низменные чувства, то ли на порочность, которая всегда жила во мне и до поры до времени находилась в спячке. Казалось, что одним поцелуем Лард сумел подобрать ключик к моей тайной шкатулке, и из нее выпрыгнуло все то, что устало томиться взаперти: страсть, желание отдавать и обладать, нестерпимое чувство познавать, причем сейчас же, не откладывая все то, что фрейлины и подслушавшая их кузина Трир называли «сладким полетом».

Мама вроде и не стеснялась говорить о первой брачной

ночи, но обходилась пространным: «Мужчины, как правило, знают, что делать с девственницами. Их этому учат с юности, подкладывая опытных и не очень девиц». Я широко распахивала глаза, представляя Тео в объятиях другой. Честно признаюсь, мне было больно думать о сопернице, пусть она и получит от ворот поворот только лишь потому, что ее любовник женится. А как же чувства? Неужели никакой привязанности после телесного единения? Язык не поворачивался расспросить Тео, существует ли другая, та, которой не повезло сделаться женой, а теперь, в виду того, что мы расстались, уже и не придется.

Я любила целоваться с Теодором, но его поцелуи были иными, совсем иными, чем у Ларда: нежными, осторожными, бережливymi. Иногда даже казалось, что Тео боится причинить своим прикосновением боль, точно я не человек, а хрупкий цветок. Лард же целовал жарко, сладко, не желая себя ограничивать, заставляя тело откликнуться.

Муж будто прочел мои мысли, поднял меня выше, сцепив руки под попой, и еще раз поцеловал. Я, подчиняясь больше зову природы, чем рассудку, обхватила Ларда ногами. Он улыбнулся. Осмелев, поцеловал шею, плечо, ключицу. Добравшись до груди, подразнил сосок языком.

Я сама от себя не ожидала: выдала острое желание стоном. Лард прикусил сделавшуюся твердой вершинку, и я вновь отозвалась. Муж тихо рассмеялся, я же от досады покрылась пятнами. Он надо мной издевается? Выскивает чув-

ствительные местечки и надавливает на них, точно на клавиши музыкального инструмента?

Наверное, я – порочная девица. Вместо того, чтобы остановиться, я сама впилась в его губы. Желание было настолько сильным, что мне было все равно, где отдаваться и кому.

Боже, я сказала «кому»? Неужели, скрывайся под маской другой мужчина, я реагировала бы так же? Ответ не порадовал. Я гуляющая женщина. Пинчи рассказывала мне про одну из наших прачек, которая страсть как любила испытывать телесный восторг. Днем она отдавалась одному любовнику, а ночью тискалась со вторым. Ее застукивали то в сарае на кипе сена, то в телеге на мешках с мукой, а то и на задворках конюшни. Вот и я оказалась не в ладах с собой: жаждала получить удовольствие и уже в нетерпении ерзала, мечтая, чтобы Лард избавился от штанов.

– Я сам еле сдерживаюсь, но мы не будем делать это здесь, – прошептал он, и его откровенное признание было сродни ушату холодной воды, выплеснутому мне на голову. Нельзя так явно проявлять животные инстинкты, они не должны быть присущи нежным и неопытным принцессам. Я всю жизнь думала, что на блуд и похоть способна только чернь.

Но почему, почему мое тело реагирует так на Ларда? Я ждала брачных ночей с Теодором и знала, что они будут полны неги и ласки. Там все будет чувственно и красиво, здесь же...

Я животное.

Я высвободилась из рук Ларда и оттолкнула его от себя. Мое лицо горело, и, казалось, что вода вокруг вот-вот закипит.

– Я не могу, законы Тарквидо не позволяют, – он пытался объяснить, а я закрыла уши руками. Так и погрузилась в воду до самой макушки. Дурак! Зачем тогда распалил? Хотел вывернуть мое низменное нутро наружу?

Когда воздух кончился, я вынырнула, и меня опять прижали к груди.

– Прости, не удержался. Я всегда знал, что ты страстная. Мне вообще трудно находиться рядом с тобой.

– Всегда? Все семь дней с момента, как купил меня у отца? – я дернулась и освободилась из рук Ларда. Решительно, распугивая беспечных рыбок, направилась к берегу. Повернулась, чтобы выплюнуть ему в лицо: – И даже тогда, когда находилась в бреду?

– Э–э–э... – замялся лжец и соблазнитель.

– Трудно ему... Законы не позволяют! – ворчала я, душимая стыдом. – А каково женщине, которую ткнули носом в то, что она позволила себе лишнего?

– Прости, – он догнал, подхватил на руки. – Все будет. Я зацелую каждую пядь твоего тела, но только... только после церемонии в Храме Стихий. Так положено в первый раз. Ты потом поймешь.

Я надула губы. Но вовсе не потому, что обиделась. Я пой-

мала себя на мысли, что думаю о брачном ложе и рядом представляю не Тео, который в моих мечтах всегда был там, а мужчину в маске. Чем Лард подкупил меня? Вот вроде бы ведет себя как нахрапистый солдафон, а я, глупая, почему—то прощаю ему его бестактность и вторю с упорством мартовской кошки.

Как объяснить, и прежде всего самой себе, что многое в короле Тарквидо мне знакомо? Жесты, смех и даже запах. Как будто мы просто забыли друг друга, а теперь встретились и начали не с нуля, а с давних отношений. Как будто Лард был для меня изведанным. Нет, скажу больше – родным.

Я схожу с ума? Почему вдруг другие мужчины перестали для меня существовать? А как же любовь к Теодору? Неужели хватило одного поцелуя (тут я опять покраснела, вспомнив губы на моем соске), чтобы забыть двухлетние отношения?

Нет, я определенно животное.

\*\*\*

На корабль мы вернулись часа через три. Оказывается, для нас заранее раскинули на берегу шатер. Его расположили под пальмами – в отличном месте, где можно было спрятаться от зноя. Нутро шатра устлали ковры и сшитые на восточный манер подушки, которые удобно ложились под руку. Там же нас ждал поднос с фруктами, сладостями и легким вином, которое, как выяснилось, так же легко валило с

ног. Я точно помнила, что уснула, положив голову на одну из подушек, однако проснулась у Ларда на плече.

– Ты сама, – он сделал честные глаза, когда я поднялась и возмущенно зашипела. Одежду мне так и не дали, но я вовремя присвоила себе рубашку мужа, найденную на берегу.

– Почему пуговицы расстегнуты? – я изобличительно оттопырила ворот.

– Ты сама, – последовал неизменный ответ.

– А эти подозрительные пятна на груди я тоже сделала себе сама?

– А, это? – Лард без стеснения распахнул мою рубашку и погладил пальцем каждое пятнышко, оставленное его губами. – Так это было еще в воде. Новых не вижу.

В его глазах плясал бес.

Меня подмяли под себя, и тут я в полной мере ощутила, как меняется тело мужчины, когда он хочет женщину. А меня вновь посетило чувство, что я давно знаю Ларда. Я без стеснения сдернула с себя рубашку, лишь бы снова почувствовать мужские губы на своем теле и изведать то, что благовоспитанная принцесса Виола посчитала бы запретным, а мартовская кошка естественным. Мы едва не согрешили.

– Представляю, как рассердятся ветра в Храме, если мы доведем начатое до конца, – пробормотал Лард, рассматривая следы от моих поцелуев на своей груди: я не осталась в долгу. Странное дело, я совсем не стеснялась мужа. Расхаживала по песку в чем мать родила.

– Скажи, в вино ничего не было подсыпано? – Лард улыбнулся, а я не сводила глаз с его ровных жемчужных зубов. Где-то эту улыбку я уже видела. – Магия?

– Не-а.

Я собрала непослушные волосы в кулак и скрутила их так, чтобы они, распушившись после повторного, уже более веселого купания, не лезли в лицо.

– Я не узнаю себя, – кинула я вслед Ларду, направившись к брошенному на берегу покрывалу.

– Волшебница, ты сама пьянишь не хуже вина, – он обернулся на меня. И этот поворот головы вызвал у меня дежавю. Я застыла, пытаюсь ухватить ускользающую догадку за хвост.

Лард же, зайдя по колено в воду, выполоскал покрывало. Отжал его неторопливо и, встряхнув, развесил у шатра. Легкая ткань затрепетала на горячем ветру ослабленным парусом.

Наблюдая за мужем, я видела, что правитель Тарквидо вообще не белоручка. В каждом его движении чувствовался опыт походной жизни. Я невольно залюбовалась грацией сильного мужчины. Он, поймав мой заинтересованный взгляд, широко улыбнулся, подошел и чмокнул в голое плечо. И тело тут же отозвалось.

Я мысленно надавала себе пощечин. Пора прекратить чувственное наваждение: я еще не видела лица Ларда, чтобы так вдохновляться на несвойственные мне поступки, а не далее, как утром, думала о любви к Тео.

Но почему так стучит сердце? Неужели я, как та самая развратная прачка, могу полюбить двоих?

## Глава 5. Неожиданное открытие

Ужинать пришлось в одиночестве. Проводив меня до каюты, Лард больше не появлялся.

– Его Величество заняты, – буркнул матрос, принесший поднос с едой. Он сноровисто накрыл стол для одной персоны. – Велено отужинать и ложиться спать. Скоро будем сниматься с якоря.

Я немного поиграла с соскучившимся котиком и охотно поделилась с ним едой. Я переживала за малыша, оказавшегося, как и я, в непривычных условиях, но Плюх выглядел вполне довольным.

– Интересно, кто тебя кормил, пока я болела? – спросила я у пытающегося взлететь оркиса. Мы забрались с ним на кровать, чтобы он падал на мягкое покрывало, а не на пол. Оперившиеся крылья поднимали Плюха достаточно высоко, но он никак не мог приноровиться и все время заваливался то на спинку, то на бок. Видимо, еще не научился управлять хвостом. У оркисов, как и у кошек, девять жизней, и я боялась растратить их все на обучение, поэтому только и успевала ловить Плюха, когда его полет обрывался у края.

Услышав вопрос, заданный скорее себе, чем животному, котик прекратил трепыхаться и вперился в меня требовательным взглядом.

– Чего тебе, милый? – спросила я и почесала оркиса меж-

ду ушками. Тот негодуяюще тряхнул крыльями, вывернулся из под руки и снова уставился на меня.

От неожиданности я вздрогнула – никогда не представляла себе, что в голове могут ожить картинки, рассказывающие о прошлом, причем наблюдаемого не мной, а... котенком. Я видела испачканное красное платье, которое снимали заботливые руки человека в маске. Я, открыв рот, смотрела, как он протирает мое бесчувственное тело и собирает влажные от пота волосы в некое подобие косы, как муж, а я уверена, что это был он, ведь только сумасшедший доверит настолько интимные действия чужому человеку, терпеливо поит с ложки и аккуратно вытирает пролитое. Моет, опуская меня, обнаженную, в большую лохань, над которой вьется лёгкий парок.

– И после этого он сделал вид, что от меня плохо пахнет?! – я зашипела от досады.

Но видения прошлого продолжали беспокоить. Не помогло даже то, что я зажмурилась. Будто котик сунул в мою голову сразу все воспоминания, и теперь волей или неволей, но мне приходится их досматривать. Когда я увидела, что Лард меняет простыни, чтобы его супруга не лежала мокрая, точно несмышленный младенец, закрыла лицо ладонями.

Боже, как же мне было стыдно!

Покачавшись, мучимая чужими воспоминаниями, я ткнулась головой в подушку и несколько раз ударила ее кулаком.

– Как я теперь посмотрю ему в глаза? – промычала я, но

тут же остановила себя. Какая же я глупая! Я видела своего мужа, причем совсем недавно, в лагуне! И в его глазах светились какие угодно чувства, но не брезгливость!

Я поискала спрятавшегося под кроватью котика, напуганного моей недолгой истерикой. Нет, не о том я сейчас думаю! Радоваться надо, ведь у моего оркиса открылся магический дар!

Подцепив Плюха, я расцеловала пушистую мордочку.

– Теперь у меня есть тайное оружие! Я могу узнать, как выглядит Лард без маски! – мне очень хотелось посмотреть, что из себя представляет король Тарквидо, который скрывал свое лицо даже тогда, когда в течение пяти дней ухаживал за находящейся в забвении супругой.

Нашептав крохе желание, я выпустила оркиса за дверь. Тот покрутил мордочкой туда–сюда и уверенно пошел в сторону кают–компаний, откуда доносились разговоры и смех офицеров. Я занервничала, боясь, что котенка обидят, даже пробежала на цыпочках через салон, желая вернуть котенка, но услышала голос мужа:

– Смотрите, кто к нам пришел!

\*\*\*

В ожидании возвращения оркиса я так и уснула, сидя у двери – боялась не услышать его. Меня разбудили крики и топот множества ног, грохот чего–то тяжёлого, передвигаемого по полу, и непривычный для уха скрежет корабля. Я почувствовался толчок и сильный крен – корабль спешно

разворачивался. Бутылка с водой поползла к краю подноса – именно это обстоятельство заставило меня подняться и кинуться удерживать бутылку. Но до нее я не добралась. Пришлось схватиться за спинку кровати, чтобы остаться на ногах.

Сердце гроыхало почище барабана, в который на пристани бил немезиец, а первобытный страх мешал ясно мыслить. Хотелось бежать наружу, чтобы убедиться, что ничего ужасного не происходит. Неизвестность – вот, что страшило больше всего. Еще беспокоило отсутствие оркиса. Лард малыша не бросит, я была уверена, но вполне возможно, что ему сейчас не до котенка.

– Нельзя выходить, пока за мной не пришли! – убеждала себя я, подхватывая ленту, змеей сползающую по тумбочке. Наскоро заплела косу. Хорошо, что я так и не разделась.

Я торопливо оправила смятое платье и потуже затянула пояс. Серое, немаркое, с небольшим воротничком и пуговицами в ряд, платье было из походных и не требовало жесткого корсета. В тон к нему шли такие же практичные туфли – из кожи и на шнуровке. На корабле не до каблучков, здесь требовалось твердо держаться на ногах. Я это знала, потому что не раз ходила с отцом на верфи и обратила внимание, как глупо выглядят леди и лорды, что явились поглазеть на очередное произведение корабелов в атласе и бархате. Словно беспечные райские птички, забравшиеся в стаю умных воронов.

Гроыхнуло так, что заложило уши. Судно качнулось. От страха я присела. Открыла рот, пытаясь избавиться от временной глухоты. Просто чудо, что во всем этом грохоте и треске я расслышала мяуканье. Распахнув дверь, я подхватила испуганного Плюха, который тут же сунул мордочку под мой воротник. Оркис весь промок, и сердце его стучало часто–часто.

– Боже! Да что же там происходит?

Неизвестность и отсутствие королевского посыльного, который, если бы мог, давно прибежал, толкнули меня на безрассудство. Скользя по стенам рукой, я вышла в салон, а оттуда перебралась в кают–компанию, где творилось невообразимое: меж болтающихся гамаков сновали матросы и офицеры, открывали амбразуры и ослабляли удерживающие пушки снасти.

Страх за судьбу корабля погнал меня дальше – на палубу. Сумрачное утро окрасило все серым цветом. Тревога чувствовалась не только в позах моряков, застывших в полном вооружении у левого борта, но и в воздухе. Я заметила матроса, того самого, что приносил ужин – он напряженно всматривался вдаль. Чуть поодаль от него заряжали орудие – команда действовала слаженно, сосредоточенно, в движениях чувствовалась уверенность, что немного меня успокоило. Судьба корабля в надёжных руках.

– Это он только предупредил, – произнес седовласый матрос, возвращаясь к прерванному разговору. – Поэтому уда-

рил рядом.

«Он? Кто он?»

– Чего фарикиец от нас хочет? – откликнулся его сосед. Я, слышав, что речь идет о ком-то из Фарикии, вся вытянулась, встала на цыпочки, но ничего не увидела. Лишь серое море.

– Вам лучше вернуться в каюту, – знакомый матрос заступил передо мной, закрывая обзор. – Здесь оставаться опасно.

– Что случилось? – я попыталась обойти его, но он допустил неслыханную вольность – начал теснить меня в сторону кают. Я отступала, теряя надежду понять, что происходит.

– Ничего такого, с чем бы мы не справились, – ещё один шаг моряка, и мой нос уткнулся бы ему в грудь. Я даже успела рассмотреть герб Тарквидо на медной пуговице.

– Да как вы смеете? – прошипела я, когда расстояние между нами сократилось до непозволительного. Но фокус не удался – матрос не отступал.

– На нас идет вражеский корабль. Будет бой, – он не драгивался до меня, но было ясно, что не пропустит.

Я кивнула, сделав вид, что услышала и поняла грозящую мне опасность. Но слово «фарикиец» не давало покоя.

– «Жемчужина» готовится дать залп! Рик, за мной, – крикнул показавшийся из кают-компания офицер, и матрос, забыв обо мне, кинулся за старшим.

Я опрометью вернулась в каюту. Там, в сундуке, лежал

свадебный подарок мужу – подзорная труба, инкрустированная золотом и драгоценными камнями. Мне просто необходимо было взглянуть на корабль! «Жемчужина» – адмиральский фрегат Фарикии.

Боясь оставить оркиса без присмотра, я сунула его за пазуху, расстегнув для этого верхние пуговицы платья, и вновь вернулась на палубу, где все подчинялось командам человека, стоящего на мостике. Отчего–то я была уверена, что это был король Лард.

Спрятавшись в тени грот–мачты, я приложила к глазу подзорную трубу. Немного покрутила линзу и неожиданно совсем рядом увидела капитанский мостик «Жемчужины». На нем стоял Теодор. Благодаря оптическому обману, принц казался так близко, что хотелось протянула руку и прикоснуться к нему. Я, затаив дыхание, всматривалась в до боли знакомое лицо, которое сейчас портила неприятная ухмылка.

То, что произошло далее, было настолько ошеломляющим, что я не удержалась на ногах и села на палубу. Подзорная труба вывалилась из моих рук и покатилась. Я смотрела, как ее швыряет то туда, то сюда, но не имела сил подняться. Перед глазами стояла картинка, как Тео надевает маску. Точно такую же, как у Ларда.

Раздался залп, и наш корабль содрогнулся. «Роза ветров» пальнула чуть раньше «Жемчужины». Дымом заволокло весь обзор. Прижав к себе оркиса, я поползла на четвереньках в сторону кормы. Рядом опять громыхнуло, и меня

окаатило водой. Платье мгновенно отяжелело, спеленало ноги неподъемными гирями. Не в силах двигаться, я привалилась к снастям и закрыла уши руками. Было страшно, в голове стоял гул. Корабль качнуло, и тут же обожгло руку болью. Я оторопело уставиась на тыльную сторону ладони, из которой торчала острая щепа. Если бы я не зажала уши руками, сейчас лежала бы мертвой. От страха я завывала, поэтому не сразу заметила, что грот–мачта надломилась и начала заваливаться в мою сторону.

Вдруг кто–то рывком поднял меня и взвалил на плечо. Я истерично заорала «Плюх!», заметив, что платье расстегнулось, и оркис вывалился. Мужчина подхватил котенка свободной рукой и побежал. Я видела, как в кают–компании вновь заряжают орудия, как готовится отдать команду офицер, а я бесполезным кулем лежала на плече того, кто мог сейчас заниматься важным делом. Муки совести терзали меня не меньше раны на руке.

Мужчина рывком открыл дверь и бросил меня на кровать. Следом полетел котик. Только сейчас я разглядела, что это был человек в маске. Его губы перекосило от гнева.

– Лард, это ты?

– Не выходи! – рявкнул он и мгновенно скрылся.

Я заплакала. От страха, от боли, от неизвестности. Я ничего не понимала. Почему Тео надел маску? Почему он напал на «Розу ветров»? Чтобы вернуть меня? Или отец прав, и фарикийский принц сделался врагом?

Я, сцепив зубы, зло выдернула щепу и быстро накрутила на руку полотенце. Уткнулась носом в подушку и разрыдалась. Стихла только тогда, когда маленький оркис потрогал меня лапой. Потом, привлекая внимание, тряхнул крыльями, брызнув в лицо холодными каплями.

– Чего тебе? – прошипела я и тут же устыдилась: он смотрел на меня такими несчастными глазами, что я почувствовала себя убийцей детей.

Я вытянула здоровую руку и погладила мокрую шерстку, но Плюх вывернулся и снова вперился в меня настойчивым взглядом.

– Что?

Стоило заглянуть к коту в глаза, как вновь произошло волшебство – в голове понеслись картинки. Я видела капитанскую каюту: крепкий стол с шестью стульями, вдоль стен, увешанных оружием, сундуки, слева стеллаж с бутылками, у окна на небольшом возвышении кровать на коротких ножках, по бокам от нее полки с книгами.

Открылась дверь, и в комнату вошел король со стаканом молока. Я через Плюха наблюдала, как Лард наливает молоко в блюдце и ставит его на пол.

Картинка сменилась – я поняла, что оркис не посчитал нужным показывать мне, как его кормят. Теперь капитан стоял у кровати спиной ко мне. Он снял с себя рубашку, звякнул пряжкой ремня.

Я хотела разорвать зрительный контакт, считая неудобным подглядывать за королем, но мой порыв так и остался невыполненным: Лард потянулся к голове. Щелкнула застежка, и на кровать полетела черная маска. Я не поняла, из чего она была сделана снаружи, но внутри ее обшивала ткань, точно повторяющая рельеф лица.

Я замерла, боясь пошевелиться. Сейчас я увижу своего мужа.

Король, так и не поворачиваясь, поднял с пола котенка и посадил рядом с маской.

– Ну, давай знакомиться, – произнес Лард. Улыбнувшись оркису, он убрал упавшие на глаза волосы.

Я закричала.

Это было лицо Теодора!

Не выдержав напряжения, я погрузилась в темноту.

## Глава 6. Шаманка и ее ветра

Дуоэльо, дуоэньё дууу...

Шаниланда, шанибадо ююю...

Из открытого окна белокаменной башни лилась песнь. Но кто бы ни услышал ее, не понял бы в чем смысл странных слов. Давно, очень давно исчезло пустынное племя, обладающее Знаниями, а потому старуха, певшая под мерный шум прялки, не боялась, что кто-нибудь запомнит ее песнь и повторит слова: в чужих устах рифмы не обретут силы.

Барга уже перестала вздыхать, что не может поделиться Знаниями: из всего племени осталась лишь она – шаманка из рода Говорящих с ветрами. Последняя. Как бы ни упрашивала Барга, как бы ни сетовала на возраст, своевольные ветра отказывались найти ей преемника. А груз Знаний тяжел, не каждому смертному по плечу. Вот и тащит она свой век, не желая, чтобы магия умерла вместе с ней.

Вертелось веретено, узловатые пальцы привычно поправляли нить, скручиваемую из шерсти песчаного ирга, а старая Барга носилась мыслями там, где она была молодой, где улыбалась мужу и распахивала руки, чтобы обнять сына. Много ей лет, очень много. Зубов во рту осталось всего три, но она никогда не жаловалась. Зачем старухе зубы, если она ест мягкую халву и пьет прохладный щербет?

Дуоэльо дууу...

Старуха оборвала песнь. Вспомнила, как когда-то, когда косы были толстыми и лежали на плечах словно две черные змеи, сидела она на песчаном берегу и ждала возвращения морского ветра. Дуоэлью запаздывал, но Барга не злилась. У ветра много забот. Не стоит торопить того, кто может отвлечься и наворотить дел.

В этот день ей с вечера не могло быть, тянуло к морю. Словно кто толкал в спину. Она и пошла, не дождавшись утра. Перед выходом из шатра обласкала взглядом лицо безмятежно спящего сына. Совсем мужчина, хотя всего семнадцать. Не зря же к ним начала захаживать сваха Басира, примеряясь как бы половчее связать род Говорящих с ветрами с девушкой из клана Зыбучих песков. От их союза родились бы сильные воины, а племени нужна защита.

Проезжие поговаривали, что на юге Кухары появились черные всадники, которые ведут себя странно: останавливаются в оазисах, платят за постой щедро, но о себе ничего не рассказывают, а все больше вопросы задают. Ищут кого-то. И все бы ничего, всадники всякие пересекали пустыню, но те разъезжают на лошадях, которых и лошадьми-то назвать трудно – словно их обглодали до косточек, оставив ради развлечения нетронутыми гривы и пушистые хвосты.

Слышала Барга, что кони те не знали устали и не вязли в песках. И пустынный ветер им был не страшен – не собьет с ног, поскольку дуть на таких, все равно что воду лить в решето. Не за что зацепиться. Это и тревожило. Сняться бы с

места, уйти к дальним оазисам, уберечься от лиха, но нельзя – жена главы племени на сносях. Она не могла взрастить в себе семя долгие десять лет.

«Вот родит Малия, и сразу уйдем, – улыбался Кирза, а тревогу из глаз убрать не мог. – Куда мы ее сейчас потащим? Не выдержит долгий путь. А может еще и пронесет. Не тронули ведь черные всадники никого до сих пор».

Барга кивала. Знала, что осталось потерпеть чуток, живот у Малии уже опустился.

«Страшно мне, Кирза. Только наше племя владеет магией, вот и чудится, что нас ищут».

Вот и сейчас, в ночи, вдруг защемило сердце. Барга шумно выдохнула, отгоняя тревожные мысли. Муж услышал, повернулся, зашелестел простынями. Она приложила палец к губам, когда Одиил, прищурившись из-за свечного огня, хриплым со сна голосом спросил:

– Куда?

– Я скоро.

Скоро не получилось.

Знала бы, что видит в последний раз, поцеловала бы, обняла крепко и... не ушла.

Шанибадо налетел внезапно. Зло толкнул в спину, заставил песок скрипеть на зубах. Барга отмахнулась от пустынного ветра. Она слушала историю о спасении мальчика дельфинами. Тот упал за борт, и никто из взрослых его крика не услышал. Корабль шел как шел.

– И что? – требовательно спросила Барга у морского ветра. – Трудно было не дать уйти? Зачем наполнять паруса?

Дуоэлью виновато пропел, что не сразу заметил. Мальчонка как щенок мелкий, и брызг от него, как от упавшего в воду камешка. В море полно звуков, особенно если волна высока.

– А что же второй малец? Никого не позвал?

Морской ветер дунул в лицо, разрешив увидеть, как мальчишка отскакивает от борта и, пригнувшись, бежит к себе в каюту. Забирается в гамак и притворяется спящим.

– Хорошо, хоть дельфинов не разогнал, – проворчала она, вновь ощутив толчок пустынного ветра. В раздражении повернулась к нему, никогда прежде не позволявшему непочтительного отношения к шаманке. – Что тебе, Шанибадо?

Тот завыл, заплакал, и сердце у Барги оборвалось. Бежала к оазису по полусогнутых ногам, руками держалась за песок, падала, поднималась и вновь бежала. Южный ветер подталкивал в спину, морской летел рядом – Барга чувствовала его прохладные струи на своем лице.

Добежав, остановилась. Сначала засомневалась, подметив, как спокоен оазис, даже хотела наказать Шанибадо за испуг: птицы, вон, беспечно поют, прыгают с ветки на ветку, лакомятся инжиром и финиками.

Глупые, глупые птицы. Глупая, глупая Барга.

Увидела валяющееся покрывало, но прошла мимо, и лишь жук–скарабей, деловито катящий шар с прилипшей к нему красной нитью, заставил обернуться. И ахнула Барга,

заметив, что из-под того покрывала торчат босые ноги. Подбежала, откинула ткань и осела.

Малия. Мертвая, вся в крови, прижимает к себе тело долгожданного сына. Такого же мертвого.

Завыла Барга, побежала к своему шатру, перепрыгивая через полураздетых соплеменников – тех, кто успел выскокить, но не сумел спастись. Ворвалась в свой шатер и споткнулась о тело мужа, прикрывающего собой сына. С трудом откинула Одиила и закричала, спугнув тем звериным криком птиц.

Когда слез не осталось, поднялась. Шатаясь выбралась из шатра. Ветра ждали снаружи. Робко прятались среди ветвей.

– Искать! – приказала Барга. Метнулись ветра. Припали к земле, словно псы. Понеслись по следам, что быстро терялись в песке.

И как они не встретились с отрядом, направлявшимся к морю?

Барга залегла за барханом, сливаясь с песком. Прислушалась к тихому говору.

– Отчего оно не чернеет? Уже должно было. Я сам каждого пустытника проверил, спасшихся нет.

– Значит, кто-то из Знающих еще жив, – главарь, отличающийся от остальных разбойников огромным копьем, на конечнике которого горели магические символы, стоял в центре ватаги.

– Вернемся в оазис?

– Нет, – колдун каблуками ударил по бокам лошади, тело которой было похоже на высушенные и переплетенные корни дерева: ее кости пожелтели от солнца и времени. – Схоронимся в песках, выследим последнего. Он придет, чтобы похоронить мертвых. Вы налево, мы направо.

Отряд разделился и неспешно направился по разные стороны от стойбища. По мере их удаления черные одежды серели, и вскоре всадников невозможно было отличить от песков. Лишь наконечник копья, раззадоренный магической кровью, горел яркой звездочкой.

«Вот, значит, как снимали магическую жатву», – Барга закрыла глаза, не в силах смотреть на наконечник, что убил ее соплеменников. Выходит, если артефакт поразит и ее, Знания перейдут к колдуну–убийце.

Стоило последнему разбойнику скрыться, стихшие ветра, боящиеся пошевелить хоть песчинку, вновь поднялись. Гневно метнулись следом, но Барга их остановила.

– Шанибадо, с налету с ними не справиться, – она помнила рассказы путников, что даже самому мощному ветру не под силу сдуть костлявую лошадь, хоть как ни пой его яростью. – Первым выступишь ты, Дуозельо. Сделаешь одежду всадников мокрой, тяжелой, а кости лошадей влажными. А потом наступит твой черед, Шанибадо – облепи их песком, да так, чтобы закаменели. Пусть булыжникам пойдут ко дну.

Сказала и села ждать результата. Возились ветра недолго. Сначала морской нагнал туч и пролился неистовым до-

ждем, потом пустынный взвился песком, поднимая в воздух тот, что остался сухим.

Она обернулась лишь однажды, когда услышала вой. Два ветра тащили всадников к морю. Лошадям даже не приходилось перебирать ногами – под слоем песка они казались застывшими каменными фигурами. Похожие статуи Барга видела на главной площади столицы Аккории, куда ездила с мужем и сыном.

Шаманка поднялась в полный рост и рассмеялась. Ей понравился ужас в глазах того, кто захотел забрать себе магию Знающих. Колдун был еще жив, хотя не мог вздохнуть – его рот забило песком. Он так и держал в руках копье, теперь никому не нужное.

И как бы ни были тяжелы кони и их всадники, пролетели над водной гладью точно пушинки, а потом разом ухнули вниз. И пропали в море бесследно. Лишь волны, расходящиеся кругами, набежали на берег, омыв босые ноги шаманки.

– Молодцы, – прошептала Барга обескровленными губами. Месть и для нее не прошла даром: вмиг черные волосы окрасились в цвет пепла, а по лицу пролегли глубокие морщины. Она знала цену магии, когда отправляла ветра на убийство, отрывая от себя одним махом десятки лет жизни.

Шанибадо ююю...

Вновь зашумела прялка. Барга, смахнув с лица слезу, обратилась мыслями к другому мальчику, которого после смерти своего посчитала сыном. Ее, умирающую от голода

и болезни, подобрали люди королевы Леадии, а после, заметив целительские способности и тягу к детям, определили в няньки к принцу Ларду.

Сколько было в том вражеском отряде всадников – не более дюжины? Взамен каждой отнятой жизни Барга поклялась поднять на ноги ребенка, на котором лекари поставят крест. И у нее получилось. Ни одно дитяшко шаманка не отпустила в мир теней.

Лард был последним, двенадцатым.

Старуха помнила, как впервые увидела мальчика. Он почти не разговаривал, смотрел затравленным зверенышем, и только Барга смогла отогреть его душу. Оба видели смерть, оба были одиноки в чужом мире. Но об этом тс–с–с–с...

Лард, превратившись в мужчину, не нуждающегося в няньке, так и не отпустил ее. А куда ей стремиться, если она полюбила его как родного? Даже теперь, когда нет ни старого короля, ни королевы Леадии, а Лард сделался правителем Тарквидо, она рядом с ним. Поддерживает и как может заботится.

Никому и никогда не расскажет старая шаманка, что Лард не родной сын королевы. У той детей не было и быть не могло. Владеющие проклятым даром Омито всегда бесплодны. Сам по себе дар совсем неплох, и проклятым его называли лишь потому, что до последнего неизвестно, кого и когда он поразит. Судьба «счастливиц» – монастырь Омито, где церковники направляли многогранные способности

подопечных на благо государства.

Но король любил Леадию, поэтому скрыл пробуждение дара у жены, хотя понимал, что наследника ждать не придется. А тут такой подарок: дельфины вынесли к их кораблю маленького мальчика.

Как он оказался в открытом море, и где его родители, оставалось только гадать, но Леадия, взяв обессиленное тельце на руки, сразу поняла, что нужно делать, чтобы мальчика приняли за ее ребенка. Ей помогла та самая проклятая магия Омито – королева умела менять воспоминания. Леадия стерла малышу память с образами бывшего, и чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, внушила другую, новую историю.

Тем днем, когда Леадия решила поменять воспоминания не только у малыша, но и у своих приближенных, а использование дара Омито в корыстных целях считалось преступлением, король затеял торжество – празднование шестилетия наследника.

Конечно, у народа обязательно вызвало бы недоумение, откуда вдруг взялся ребенок, где его скрывали, и почему королевская чета и словом не обмолвились об его существовании, но ничего этого не случилось. Каждый из подданных получил королевское благословение: небольшой амулет, что вешался на шею – ценный дар, способный принести удачу. И никто не почувствовал, что вместе с артефактом был одарен искрой Омито. Так, из памяти населения начисто стерлось,

что до сего момента у правящей семьи наследника не было.

А чтобы защитить Ларда от возможного опознания чужеземцами, ввели церемонию выхода королевской семьи в свет: отныне запрещалось видеть, а тем более изображать лица правителей. Королевская семья надела маски и обзавелась двойниками—телохранителями.

На зажжении первого огня в храме Стихий, знаменующем начало года, горожане и иностранные гости могли лицезреть трех королей, трех королев и трех принцев. И никто не знал, где настоящие правители, а где их слуги. Леадия надеялась, что со временем Лард изменится, и в нем трудно будет опознать потерянного малыша, однако судьба распорядилась иначе.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.